

П. Г. Рогозный

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА*

«Декрет о свободе совести, церковных и религиозных сообществах» — именно так в первой публикации назывался знаменитый акт, вошедший в историю под названием «Декрет об отделении церкви от государства»¹. Этот документ, опубликованный в январе 1918 года, был плодом совместного творчества действующего православного священника Михаила Галкина² и главы советского правительства Ленина, который собственноручно вписал в него первый пункт — «Церковь отделяется от государства». Ни Галкин, ни большевики, не придумали ничего нового: декрет напоминал французский закон об отделении церкви от государства, принятый под влиянием социалистов в 1905 году³. Большевистский декрет был более краток и декларативен, а главное, в отличие от своего французского собрата, не устанавливал механизма его проведения⁴.

Еще до публикации этого документа большевики попытались реквизировать помещения Александро-Невской лавры. Однако после ареста настоятеля монастыря монахи ударили в набат, сбежался народ, который и разогнал вооруженных красногвардейцев. Не обошлось и без жертв: первым погиб протоие-

* Работа написана в рамках проекта ОИФН РАН «Российское общественное движение и международный контекст»

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373–374.

² Михаил Галкин был священником петроградской Спаса-Колтовской церкви и издавал в столице газету «Свободная церковь». В конце 1917 года сам предложил свои услуги новому правительству в деле отделения церкви от государства. Осенью 1918 года снял сан и стал официально работать в комиссариате юстиции. Впоследствии активный член «Союза воинствующих безбожников». Свои статьи писал под псевдонимом «Михаил Горев». См.: Peris D. Commissars in Red Cassocks Former Priests in League of Militant Godless // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 2.

³ Данный декрет интерпретировался всегда тенденциозно в зависимости от партийной или церковной принадлежности автора. Ср: Титлинов Б. В. Церковь во время революции Пг., 1924; Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958; Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М., 1968; Кашеваров А. Н. Церковь и власть. Русская православная Церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. В последнее время вышел ряд содержательных статей московского филолога Кравецкого, посвященных предыстории рассматриваемого декрета: Кравецкий А. Г. К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства». Священный Собор Православной Российской Церкви. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002; Его же. К истории Декрета об отделении Церкви от государства. 1917-год. Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания патриарха Тихона. М., 2008.

⁴ Ср.: Закон от 9 декабря 1905 года. Общие соображения по поводу отделения церкви от государства М., 2006. С. 277–381.

рей Скипетров, попытавшийся вступить в переговоры с захватчиками⁵. Крестный ход прошений в Петрограде после этих событий собрал только на Невском проспекте до 300 тысяч жителей столицы⁶. Большевики отступили, становилось понятно, что революционным наскоком с религией не покончить.

19 января, патриарх выпустил знаменитое послание с анафемой, «творящим беззакония»; хотя в тексте слово «большевики» не использовалось, однако всем было ясно, что оно непосредственно направлено против существующей власти.⁷

Впоследствии мнения историков разделились, была ли это анафема именно большевикам или вообще всем «творящим беззакония»? Но спорить об этом стали уже значительно позже: всем современникам было ясно, против кого было направлено послание патриарха Тихона⁸. Да и сам патриарх именовал свое послание анафемой Советской власти⁹. В самом документе совершенно не двусмысленно упоминаются действующие власти.

Ответ властей не заставил себя ждать, и 23 января в прессе появился вышеупомянутый декрет «О свободе совести». Декрет нес в себе немало демократических положений, однако по одному из пунктов Церковь лишалась прав юридического лица: такого пункта не было во французском законе об отделении церкви от государства. «Декрет об отделении церкви от государства может иметь силу только в зависимости от того, как его будут осуществлять», — записал в свой дневник профессор Юрий Готьё¹⁰.

В данном случае профессор Готьё был прав: публикация такого документа в демократическом государстве, даже, несмотря на некоторые явно сомнительные статьи, не имела бы ничего грозящего репрессиями. Более того, репрессии и гонения, впоследствии обрушившиеся на Православную Церковь, шли именно вопреки этому декрету, а не исходили из него.

⁵ См. подробнее: Шкаровский М. В. Александро-Невская Лавра в годы революционных потрясений (1917–1918). Город на все времена. СПб., 2011.

⁶ По церковным оценкам, в манифестации участвовало до полумиллиона человек; это, в любом случае, гораздо больше, чем вышло на защиту Учредительного собрания. Интересно отметить, что автор новейшей и очень качественной монографии про 1918 год в Петрограде вообще не заметил этого события. См.: Рабинович А. Большевики у власти. Первый год Советской власти в Петрограде. М., 2007.

⁷ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 82–85.

⁸ Интересно отметить, что советские историки именовали данное послание Тихона анафемой советской власти. Постсоветские исследователи, наоборот, считают, что это анафема не большевикам, а «всем творящим беззакония».

⁹ Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 202.

¹⁰ Готьё Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 109.

И уж, разумеется, не следует говорить о том, что данный декрет был актом «злостного гонения на Церковь», как это делают некоторые современные историки: утверждать такое можно, только не читав сам текст декрета. Текст декрета был слишком размыт и, как признавали все, «декларативен» как впрочем, и все первые декреты новой власти: как его реализовывать на практике пока никто не знал. Первоначально этого не знали и сами новые власти.

Специально созданная Комиссия «по проведению в жизнь отделения церкви от государства», заседавшая под председательством Бонч-Бруевича в мае 1918 года среди прочих задач ставила себе «разбор многочисленных случаев прецедентарного (Так. —*П.Р.*), возникших при непосредственном применении отдельных положений декрета к запутанным правоотношениям современности»¹¹. При всей неуклюжести данной формулировки точнее было не сказать.

Многие положения декрета долго оставались на бумаге, например введение гражданского брака (в данном случае имеется в виду первоначальное, не современное значение этого термина)¹². Брак по-прежнему в основном регистрировали в церкви, а развод осуществляла Церковь по тем же принципам, что и раньше. «Брачный кодекс» имперской России был обширен и чрезвычайно запутан, о семейном праве написано много литературы, особенно до революции, уже тогда говорили о его несовершенстве и архаичности¹³.

Наиболее быстрый способ развода — это супружеская измена, но, чтобы развестись, требовалось наличие свидетелей факта прелюбодеяния «виновной» стороны. Естественно, что удостоверить факт «совокупления» проблематично, хотя при наличии денег и связей всегда находились нужные свидетели. Синодские чиновники, занимавшиеся бракоразводными процессами, быстро сколачивали целые состояния.

Современный историк Грегори Фриз иронизирует относительно той легкости, с которой находились свидетели супружеской измены: двери домов в России, «похоже, никогда не запирались»¹⁴. Видимо, и после декретов Советской власти ситуация не сильно поменялась.

¹¹ ГАРФ. Ф. 353. Д. 688. Л. 11.

¹² Сейчас «гражданским браком» в России считается сожительство без регистрации, большевицкие декреты предполагали регистрацию брака в гражданских органах.

¹³ См. новейшие работы: Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Веремченко В. А. Дворянская семья и государственная политика России СПб., 2004; Лещенко В. Ю. Семья и русское православие 11–19 вв. СПб., 1999.

¹⁴ Фриз Г. Мирские нарративы о священном таинстве. Брак и развод в позднеимперской России // Православие; конфессии, институты, религиозность. СПб., 2009. С. 142.

Естественно, что после революции не все желали использовать столь сложный способ развода. Комиссар Самарской губернии в 1918 году требовал от духовенства «немедленно приступить к исполнению воли народа, т.е. совершать обряды венчания граждан, разведенных гражданским судом по декрету Народных Комиссаров, причем уклоняющиеся от этого будут увольняемы от должности и преданы суду». Значит, священника, не желавшего венчать «сомнительный» брак, могли уволить как государственного чиновника? В Комиссариат юстиции поступали многочисленные жалобы и прошения, как от официальных лиц, так и от простых обывателей, с просьбой разъяснить положение данного пункта декрета. Основной вопрос был о соотношении этого декрета с церковным браком. Причем везде его разъясняли по-разному. И следует отметить, что это был актуальный и проблемный пункт декрета – что такое гражданский брак и как его заключают, было не понятно, особенно в сельской местности.

Хотя декрет о гражданском браке был отдельно издан ранее, еще в декабре 1917 года, но он прошел фактически незамеченным: большевиков тогда всерьез не воспринимали, и в разгар гражданской войны, когда «ленинцы» контролировали центральную часть страны, проблема так называемого «гражданского брака» затрагивала незначительную часть населения.

Следует сказать, что вопрос о браке и разводе был действительно самым широко толкуемым местом декрета. В сельской местности этот вопрос часто решали полюбовно. Документальных сведений об этом мало, тем более важно каждое свидетельство, как, например, бывшего чиновника департамента Министерства юстиции А. Л. Окнинского который волею судьбы два года, с 1918 по 1920, прожил в Тамбовской губернии в деревне и записывал «акты гражданского состояния». Так как все метрические книги большевики довольно быстро изъяли из церквей, Окнинскому приходилось самому вписывать в книги всех умерших, родившихся и брачующихся. Окнинский описывает следующую схему действий неписанного «брачного кодекса», который сложился в первые годы советской власти и который в целом напоминает современный. Он выписывал «удостоверения», очевидно, проверяя по метрическим книгам возможность вступления в брак и т.п.; «... без такого удостоверения, – пишет Окнинский, – священники не крестили, не венчали, не отпе-

вали»¹⁵. После получения такого удостоверения крестьянин мог идти в церковь, где брак венчали. Сложнее дело представлялось с разводами. Мемуарист вспоминает, что ему пришлось совершить два развода по обоюдной просьбе разведившихся, «каковые разводы, однако, насколько мне помнится, церковной властью признаны не были».

Это и понятно: развестись легче гражданским образом, да и с церковной точки развод не таинство, а вот венчаться надо в церкви, и, конечно, большевистские декреты никак не изменили этого народного мнения. Окнинский также вспоминает, что записи о браке приходилось делать в выходные дни, по «воскресеньям и праздничным дням... в Советской России они были еще неприсутственные» (это было действительно так, под праздниками он имеет в виду, конечно, церковные. — *П.Р.*), и что однажды местный большевик грубо требовал от него справки о возможности венчания для своей дочери¹⁶.

Видимо, эта практика, дожила до наших дней, когда перед венчанием требуют справку из загса.

Метрические книги изъяты, священник не может удостовериться в правильности таинства, а гражданское свидетельство дает информацию, хотя бы о том, что брачующийся и брачующаяся не состоят в браке. Представляется, что такая практика в деревне была повсеместной, по крайней мере там, где была Советская власть¹⁷. Интересно, что постановление Поместного Собора о браке и разводе было менее радикальным, и письменные доказательства в новых условиях были необязательны, требовалась только подпись жениха и невесты, а также четырех свидетелей¹⁸. Очевидно, что священника могли обмануть, поэтому многие стали требовать письменной справки или выписки.

Иногда происходили и курьезные случаи. Так, например, священник Олонецкой губернии А.И. Тихомиров направил письмо Ленину с просьбой разрешить ему вступить во второй брак, чему воспрепятствовали и патриарх Тихон и правящий архиерей митрополит Вениамин. Священник писал, что искренне желает укрепления диктатуры пролетариата и просил освободить

¹⁵ Окнинский А. Л. Два года среди крестьян; Видимое, слышимое, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М., 1998. С. 44.

¹⁶ Окнинский А. Л. Указ соч. С. 45.

¹⁷ Мемуарному свидетельству Окнинского можно доверять, и в данном случае оно кажется беспристрастным. Оно не является важным в канве самих воспоминаний и занимает там всего две страницы, очевидно, что для автора это лишь эпизод, не имеющий никаких политических выводов. Важно и то, что воспоминания писались спустя два года и не имели никакого идеологического подтекста.

¹⁸ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 99.

уезд от «черных узурпаторов», то есть монашествующего духовенства. О патриархе Тихомиров писал как о ставленнике «небольшой кучки помещиков, графов, клобуков и других реакционеров»¹⁹. Свою просьбу о вступлении во второй брак священник обосновал практически-цинично, так как ему нужна «дешевая рабочая сила... в целях улучшения собственного благосостояния», а наем служанки дорого обходится. Он также просил учесть искренность его пожеланий, а сам желал «многолетия диктатуре пролетариата»²⁰. Вряд ли это послание прочитал руководитель Совнаркома – письмо отправили в восьмой «церковный» отдел Комиссариата юстиции на «разъяснение».

Там данное послание вызвало удивление и неподдельный интерес. В Тихомирове увидели реального «церковного большевика» и ответили более чем милостиво за личной подписью зав отделом Красикова. Тихомирову сообщили, что согласно декрету «состояние в т.н. священнослужении не является препятствием во вступление в первый и последующие браки... а боязнь Тихомирова притеснителей клобуков и некоторых попов – реакционеров не имеет под собой почвы в советском законодательстве»²¹.

Традиционно считается, что, придя к власти, большевики сразу развернули атеистическую пропаганду, устроив своеобразный «шторм небес»²². Однако очень скоро реальность вернула их на место: в стране, где 95 процентов населения считали себя верующими, такая пропаганда была обречена на неуспех. И приходилось действовать более тонко. Большевики разъясняли народу положение нового декрета. Почему граждане могут обучаться религии частным образом? «Потому что в школах обучаются дети и православных и католиков, магометанских и еврейских родителей... поэтому, – гласила листовка Петроградского комитета РКП(б), – нельзя в общих школах на общегосударственный счет обучать религии. А если родители хотят они могут за свой собственный счет обучать своих детей какой угодно религии»²³.

Впрочем, на крестьянскую массу такая агитация не действовала. Требование сохранить преподавание Закона Божьего звучало даже на вполне советских крестьянских съездах эпохи гражданской войны, и даже среди рабочих.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 761. Л. 93.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 95.

²² См., например: Алексеев В. А. «Шторм небес» отменяется Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.

²³ Листовки петроградских большевиков. Л., 1957. С. 161.

Так, реагируя, на требования рабочих в августе 1918 года проводить молебны на заводах, Петроградский комитет большевиков советовал людям, которые еще «идут на поводу у попов, во-первых не смешивать поповскую веру с христианством и, во-вторых не забывать о роли государственной церкви в истории борьбы угнетенных против угнетателей... и не идти за попами, торгующими именем Христа». Далее в листовке сообщалось, что «сильные мира сего при помощи попов исказили это учение и превратили его в учение, оберегающее права угнетателей. Тех же из проповедников, кто боролся за истинное христианство в его первоначальном виде, попы жгли на кострах, резали на куски и уничтожали всеми другими средствами. Христианство было уничтожено»²⁴.

По-прежнему все главные церковные праздники являлись фактически государственными и были выходными (неприсутственными) днями. Иногда, особенно в провинции, и праздновали их вместе. Так, на заседании Устюжского исполкома рассматривали празднование Первояма и Пасхи и постановили в дни последней на неделю прекратить занятия в школе, а на «устройство товарищами красноармейцами праздника Св. Пасхи купить по три яйца на человека, один фунт колбасы на четырех и одно ведро на сорок человек водки»²⁵. Трогательное классовое единение, без всякой дискредитации по вероисповедным вопросам. Еще одной болезненной проблемой стало распоряжение новой власти о выносе икон из «государственных и публично-правовых общественных помещений»; в декрете об этом не говорилось, однако этот пункт появился в инструкции «о порядке проведения в жизнь декрета», выпущенной Комиссариатом юстиции в августе 1918 года²⁶. Иконы должны были быть вынесены также из учебных заведений и с заводов и фабрик. Часто это вызывало большое негодование и, по-видимому, мало исполнялось, особенно в первое время.

Так, когда на шуйской фабрике, по инициативе местных большевиков, в 1919 году в цеху были сняты иконы, это вызвало настоящие волнения среди рабочих, которые прекратили работу и потребовали «повесить таковые на прежние места». Коммунисту Языкову, проводившему эту акцию, пришлось

²⁴ Листовки петроградских большевиков... С.222.

²⁵ Цит. по: Кедров Н. Государство и церковная община в 1920-е – 1930-е годы: эволюция взаимоотношений в Устюженском районе // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2008. Вып. 6. С.178.

²⁶ Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) 24 августа 1918 г.

каяться в том, что он приступил к исполнению «неумело и без разрешения Исполкома и партии, а действовал лично от себя, а потому он один во всем и повинен и просит о наказании его, если он заслуживает»²⁷. Если уж самый «революционный» класс так реагировал на антирелигиозные акции, то что тогда говорить о крестьянстве!

Вообще вынос икон из зданий фабрик и заводов, общественных присутствий, школ и т.п. был очень болезненным вопросом; часто, как и на шуйской фабрике это вызывало бурю негодования, и большевики вынуждены были разъяснять свои цели публично. Очевидно, слухи об иконах быстро распространялись и принимали удивительные формы, даже ходил слух, что вообще все иконы отнимут. «Нет более гнусной и подлой лжи, чем эта, – сообщалось в листовке петроградских большевиков, – да и кому придет такая нелепая мысль – отбирать иконы. Кому, кроме верующих, нужны иконы? Разве накормить ими голодных или перелить в пушки»²⁸? Однако, видимо, такие разъяснения не помогали.

Московский окружной комиссар Ярославский сообщал в СНК в декабре 1918 года, что проведение декрета встречает особенно упорное сопротивление в деревне: «целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ». Местные советы, писал комиссар, «часто совсем не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и с единогласной волей», в результате агитация против Советской власти с лозунгом «она во всем согласна с большевиками»²⁹.

Касаясь изъятия икон, комиссар, со слов бывшего секретаря Льва Толстова Черткова, сообщал, что в деревне процветает своеобразная форма взятки: «за то что бы не трогать иконы... за икону Иисуса Христа берут пять рублей, за Богородицу меньше»³⁰. В заключение военный комиссар сообщал, что у него есть письма от коммунистов, которые задают один и тот же вопрос: «Есть ли смысл обострять отношения к крестьянской массе по такому вопросу?»³¹

Как реагировали на это центральные власти? Восьмой отдел комиссариата юстиции издал особый циркуляр, где среди прочего сообщалось, что при «изъятии икон из общественных мест никоим образом не следует делать из этого ан-

²⁷ АИВО. Ф. Р-708. Оп. 1. Д. 35а. ЛЛ. 7–7 об. Благодарю за данную выписку из архивного дела Н. В. Михайлова.

²⁸ Листовки петроградских большевиков... С. 160.

²⁹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 696. Л. 216.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 216 об.

тирелигиозные демонстрации... вовсе не требуется, чтобы удаления эти производились в часы занятий в данном учреждении и в присутствии публики, ибо подобное демонстративное удаление икон... а тем более, как имело кое-где место, сопровождаемое совершенно ненужными выпадами против того или иного культа, создает лишь ложное представление в глазах населения о способах борьбы Советской власти с народными предрассудками»³².

Комиссару Ярославскому отвечали, что «недовольство актом порождается не столько фактом удаления икон, сколько употребляемым при этом способом, часто выливающимся в некультурную и даже грубую форму»³³. Полное удаление икон из всех общественных мест закончилось, видимо, только к середине 20-х годов. Конечно, проведение в жизнь декрета, коренным образом меняло не только взаимоотношения церкви и государства, но и затрагивало фактически, в том или ином виде, все население, находившееся под властью большевиков.

И не лишение Церкви статуса юридического лица, а запрет на преподавание религиозных вероучений в общеобразовательных учреждениях вызвал наибольшее недовольство и возмущение, особенно в крестьянской среде. Многие крестьянские восстания эпохи гражданской войны проходили, в том числе, и под лозунгом «вернуть Закон Божий».

Такой же проблемой было постановление о выносе икон из общественных мест. Все это саботировалось, не соблюдалось, вызывало озлобление, создавая тем самым в крестьянской, да и в рабочей среде, в целом сочувствовавшей большевикам, ненужный им второй фронт. Те демократические положения, которые нес в себе декрет, были не понятны крестьянской России, тем более что проводился декрет часто «большевистскими методами», хотя лидеры большевиков и требовали осторожности. В результате, как всегда, главная роль отводилась местным властям, от сознательности или головотяпства которых в целом и зависела ситуация на местах. Многие большевики понимали, что в стране, большинство населения считают себя верующими, антирелигиозная пропаганда обречена на провал. Поэтому они использовали даже в официальных документах, особенно на местах, антиклерикальные лозунги, которые встречали гораздо большее сочувствие в массах, чем антирелигиозная пропаганда.

³² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 690. Л. 80.

³³ Там же. Л. 217.